

Глава VIII. Способ установления истинной системы собственности

Представления, которые имеются по этому вопросу. — Ожидание резни. — Выводы, которые должны быть сделаны относительно реальности этих представлений. — Зло как вполне устранимый спутник прогресса. — Обязанности, возникающие в этих условиях 1) у тех, кто обладает качествами, нужными для общественных наставников, — их нрав, искренность, губительное влияние в этих случаях притворства; 2) у богатых и знатных, — можно думать, что многие из них станут сторонниками равенства, — поведение, которое предписывается им как целому; 3) у друзей равенства вообще. — Всомогущество истины. — Необходимость в мягком и благожелательном способе действия. — Связь между свободой и равенством. — Причины, создающие равенство, будут постоянно усиливать свое влияние. — Признаки их роста. — Мысли об успехе равенства в будущем. — Заключение.

После того как мы подробно и без умолчания обсудили все части нарисованной нами замечательной картины, нам остается рассмотреть лишь один вопрос. Каким образом будет осуществлено это важное усовершенствование человеческого общества? Не желательно ли для этого сделать предварительно какие-нибудь определенные шаги? Может быть, неизбежны какие-нибудь предварительные меры? Не будет ли период, предшествующий равенству, по необходимости омрачен распространением некоторого зла?

Ни одна идея не вызывала большего отвращения в умах множества людей, чем то, что они называют уравнительными началами, распространение которых должно будто бы повлечь за собой много бедствий. Они думают, «что эти начала неизбежно будут производить брожение в умах простого народа и что попытка осуществить их будет сопровождаться разнообразными бедствиями». Они представляют себе, как «непросвещенная и нецивилизованная часть человечества, освобожденная от всякого принуждения, предастся всевозможным крайностям. Знание и понимание, достижения ума, открытия, сделанные мудрецами, красоты поэзии и искусства будут растоптаны ногами и уничтожены варварами. Это будет новое нашествие готов и вандалов, но с тем печальным осложнением, что змея, укус которой смертелен, откормлена на нашей груди». Они представляют себе, что дело «начнется с убийств». Они думают, «что все люди видные, занимающие первенствующее положение и знатные будут в числе первых жертв. Все, кто отличается особой изысканностью манер или решительностью слога и мысли, неизбежно станут предметом зависти и подозрений. Тот, кто бесстрашно будет помогать преследуемым или провозглашать народу те истины которые он менее всего склонен слушать, но которые ему

как раз более всего следует выслушивать, будет предназначен для убиения».

Но мы не должны пугаться изображенной здесь картины, притом не из пристрастия к системе равенства, нарисованной в нашей книге. Легко можно себе представить, что революция будет сопровождаться резней, и, вероятно, это самое отвратительное, что можно себе вообразить, даже учитывая ее непродолжительность. Боязливые, безнадёжные упования тех, кто потерпел поражение, и кровожадная ярость их победителей представляют такое сочетание зла, которое превосходит все то, что говорится об ужасах ада. Хладнокровные избиения, совершаемые под именем правосудия, все же не так страшны даже при самом своем ужасном проявлении, как эти убийства. Исполнители закона и его орудия в силу привычки примирили свое сознание с тем страшным делом, которому они служат, они принимают свою долю участия в самых возмутительных безобразиях, несколько не отдаваясь страстям, с ними связанным. Но участники резни действуют под влиянием ярости. Их глаза сверкают огнем бешенства и злобы. Они преследуют свои жертвы из улицы в улицу и из дома в дом. Они вырывают их из объятий отцов и жен. Они пресыщаются жестокостью и надругательством и издают крики отвратительного восторга при зрелище причиняемых ими мук.

Мы увидели теперь эту страшную картину; какие же выводы надлежит из нее сделать? Должны ли мы отказаться от разума, от справедливости, от добродетели и счастья? Предположим, что неизбежным последствием приобщения к истине будет временное появление таких сцен, как только что нами описанная, должны ли мы на этом основании отказаться от распространения ее? Совершенные преступления будут по ошибочному представлению казаться последствиями знакомства с истиной, но на самом деле это результат заблуждений, внушенных прежде. Беспристрастный исследователь увидит в них последние усилия погибающего деспотизма, который, в случае если бы он остался жив, произвел бы бедствия, едва ли менее ужасные в момент их совершения, но гораздо более пагубные по своей долговременности. Если рассуждать правильно, то, даже допуская прежде сделанное неблагоприятное предположение, надо противопоставить момент ужаса и отчаяния векам счастья. Никакое воображение не может дать полное представление о том умственном развитии и спокойной добродетели, которые наступят, когда собственность будет Установлена на естественных основаниях.

Какими способами можно вообще заглубить истину и сохранить спасительную отраву и успокоительное безумие, так желанные некоторым людям? Политика правительств всего мира в целом клонилась к этому на протяжении многих веков. Есть ли у нас рабы? Тогда мы должны старательно охранять их невежество. Есть ли у нас колонии и подвластные земли? Тогда все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы они не стали слишком населены и богаты. Есть ли у нас подданные? Тогда, «превратив их в бессильных и бедных, нам удастся сохранить их послушными; избыток годен лишь к тому, чтобы сделать их непокорными, непослушными и мятежными»[18]. Если бы такова была истинная сущность общественного устройства, то нам, конечно, следовало бы с отвращением отпрянуть от нее. Каким ужасным неудачником оказался бы весь человеческий род, если бы все попытки сделать его разумным привели бы только к тому, что он лишился бы всех правил и стал беспутным. Но ни один человек, способный уделить этому вопросу сколько-нибудь беспристрастного внимания, не сможет в это поверить. Могут ли истина, понятие о

справедливости и желание осуществить ее стать источником непоправимого крушения человечества? Можно допустить, что первое пробуждение ума и просветление его будут сопровождаться беспорядком. Но всякий, рассуждающий правильно, должен признать, что на смену замешательству придут порядок и счастье. Отказ от такого средства для достижения счастья, если бы даже оно оказало описанное действие, напомнило бы тот случай, когда человек, повредивший свою конечность, отказался бы подвергнуться тому мучению, которое связано с ее вправлением. Если человечество сейчас потеряло путь к добродетели и счастью, то нет разумных оснований для него всегда идти по ложной дороге. Мы не должны отказываться от осуждения ошибок и от рассмотрения явлений, вытекающих из них.

[18] Кн. V, гл. III{42}.

В этой связи возникает еще один вопрос. Можно ли вообще подавить истину? Можно ли приостановить успехи пытливого ума? Если бы это и было возможно, то не иначе, как при помощи самого жестокого деспотизма. Ум человека постоянно стремится к развитию. Его можно сдерживать только силой, которая на протяжении всего его существования противодействовала бы его естественным стремлениям. Для этого пришлось бы применить меры деспотические и кровавые. Они создали бы картину жалкую и отвратительную. В результате возникла бы глубокая умственная тьма, страх, подобострастие, лицемерие. Такова альтернатива, если вообще она возможна, так что государи и правительства земного шара должны сейчас сделать выбор между двумя противоположными мероприятиями: они либо должны подавить прогресс путем самого неограниченного применения силы, либо предоставить свободную и спокойную возможность каждому человеку вырабатывать и защищать свое мнение.

Несомненно, правительство обязано сохранять самый неуклонный нейтралитет в этом важном деле. Несомненно, все люди обязаны оглашать истину без робости или умолчаний, оглашать ее в подлинном виде, не прибегая к содействию лживых приемов печати. Чем больше ее будут оглашать, чем лучше ее будут знать во всем ее объеме, а не по частям, тем менее возможно ее сочетание с гибельными последствиями заблуждения и ее отступление перед ними. Истинный человеколюбец будет горячо стремиться не подавлять обсуждение вопроса, но принимать в нем деятельное участие, проявляя всю силу своих способностей к исследованию, и содействовать своими усилиями острой и глубокой работе мысли.

Теперь, когда стало ясно, что истина должна быть провозглашена любой ценой, то нам надо посмотреть, какова же точно эта цена, т. е. надо исследовать, сколько беспорядка и насилия неотделимо связано с тем перерождением, которому должен подвергнуться разум. И тогда обнаружится со всей ясностью, что зло отнюдь нельзя считать неотделимым от прогресса. В самом факте приобретения знаний и постепенного ознакомления с истиной не заключается еще никакой предпосылки к беспорядку. Зло может возникнуть только при столкновении мнений, только когда одна группа людей в общине отстранит другую, отвергнув ее взгляды на прогресс, и проявит нетерпимость к той оппозиции, которую она встретит.

В эту интересную эпоху, когда разум во всяком случае будет переживать настоящий перелом в своей истории, на долю каждой группы людей в общине выпадут высокие обязанности. Прежде всего это коснется тех просвещенных и сильных умов, которым надлежит сделаться наставниками остальных в деле открывания истины. Они обязаны быть деятельными, неутомимыми и бескорыстными. Им надлежит воздерживаться от возбуждающих речей, от всяких едких и злобных выражений. Нелепо правительству брать на себя в этом отношении роль критика и устанавливать мерилло для определения должной степени свободомыслия и благопристойности; но именно по этой причине те, кто сообщают свои мысли публике, обязаны особенно строго следить за собой. Весть об установлении свободы и равенства — это весть о доброжелательном отношении ко всем людям. Свобода и равенство избавят крестьянина от несправедливости, подавляющей его разум, а привилегированных — от роскоши и деспотизма, развращающих их. Пусть люди, несущие нам эту весть, не запятнают своего великодушия, показав, что оно еще не сжилось с их сердцами.

Не менее важно, чтобы они поспешили сообщить всю истину без умолчания. Нельзя себе представить ничего более вредного, чем правило, предписывающее считаться с духом времени и говорить только то, что, как нам кажется, наши современники способны понять. В настоящее время такая практика принята почти повсеместно и служит признаком весьма глубокой испорченности. Мы кромсаем и разрываем правду на части. Мы делимся ею с нашими собратьями не в том широком объеме, в каком узнали ее сами, но с той скупостью, какая диктуется нам нашей собственной жалкой осторожностью. Мы начинаем ссылаться на то, что эта истина пригодна для одной страны и не пригодна для другой, но ведь это та истина, которую мы признаем вечно неизменной. С целью обмануть других со спокойной совестью, мы начинаем с того, что обманываем самих себя. Мы надеваем путы на свой разум и не дерзаем свободно верить самим себе в поисках истины. Такая практика получила свое начало в партийных махинациях и в стремлении умного и предприимчивого вождя тащить в своей свите целую армию слабых, робких и себялюбивых сторонников. Нет оснований, по каким я не мог бы заявить в любом собрании на земном шаре, что я республиканец. Если я республиканец при монархическом правлении, то у меня не больше оснований примыкать к неистовым мятежникам для нарушения общественного спокойствия, чем монархистам при республике. Всякое сообщество людей, как и каждый отдельный человек, должно направлять свою деятельность в соответствии с общественными идеями справедливости. Я должен стремиться не к тому, чтобы насильственно изменить учреждения, но к тому, чтобы доводами разума изменить идеи. Мне нет никакого дела до мятежников и интриганов, но я хочу просто распространять истину и намерен ждать, пока спокойно утвердится вера в нее. Если будет созвано какое-нибудь собрание, не согласное с этим, то я не должен принимать в нем участия. Но чаще мы склоняемся к тому, что «вопрос чести», или, лучше сказать, вопрос полезности «представляет собой личное дело каждого»[19].

[19] Аддисон. Катон{43}.

Обсуждаемое нами притворство, помимо дурного влияния, оказываемого им на того, кто прибегает к нему, и помимо того, что оно портит и подрывает репутацию человека в обществе, имеет еще особенно вредные последствия в том отношении, которое мы сейчас рассматриваем. Оно как бы закладывает мину и готовит взрыв. Таковы последствия всех

противоестественных ограничений. В то же время ничем не сдерживаемое распространение истины всегда благотельно. Ее успехи идут последовательно, и каждый этап подготавливает общее сознание к следующему. Бывают такие неожиданные и неподготовленные проявления истины, которые легко лишают людей трезвости в мыслях и власти над собой. Умолчания в этих случаях сразу делают массу грубой и озлобленной, как только она откроет, что от нее что-то скрывают, и в то же время они сбивают с правильного пути носителей политической власти. Они убаюкивают последних в сознании ложной безопасности и побуждают их к зловещему упорству.

Рассмотрев обязанности при таком кризисе людей просвещенных и мудрых, мы теперь должны обратить наше внимание в сторону совершенно другой социальной группы, в сторону богатых и знатных. И здесь прежде всего надо заметить, что мы совершаем очень большую ошибку, когда, как это часто бывает, не верим в возможность превратить их в сторонников равенства. Люди не так жалко себялюбивы, как это предполагают сатирики и царедворцы. Мы никогда не приступаем ни к какому действию, не обдумав, каковы требования справедливости в этом случае. Мы всегда стремимся удостовериться, что поступки, к которым нас побуждают наши склонности, безвредны и правильны[20]. Поэтому, поскольку мысли о справедливости занимают так много места в работе человеческого сознания, нет разумных оснований сомневаться в том, что яркое и сильное представление о справедливости окажется мощным двигателем, воздействующим на наш выбор. Но затем путь добродетели, избранный нами по каким бы то ни было основаниям, оказывается желанным по тысяче других причин. Он дает нам репутацию, положение, внутреннее довольство и высокую радость удовлетворенного разума.

[20] Кн. II, гл. III{44}.

Богатые и знатные далеко не безразличны к вопросам общего благополучия, когда эти вопросы представлены им с той ясностью и притягательностью, которые могут на них воздействовать. Их разум свободен от влияния одного большого недостатка. Их не ожесточила неумолимая деспотия, и горизонт их не сузился под постоянным давлением нужды. Они особенно хорошо могут судить о пустоте той роскоши и тех радостей, которые вызывают такое восхищение при наблюдении со стороны. Часто можно заметить, что они довольно равнодушны к этим вещам, если только они не слишком утвердились в своих привычках или закоренели в них с годами. Если вы покажете им привлекательность благородства и великодушия при отказе от старых преимуществ, то во многих случаях они охотно готовы будут решиться на это. Как только какое-нибудь событие возбудит активность ума, за ним обязательно последуют действия; мало людей настолько неактивных, чтобы навсегда предаться беспечному пользованию преимуществами, данными им с рождения. Тот же дух, который толкал молодых представителей знати в ряду поколений навстречу лишениям войны, легко может быть использован для того, чтобы превратить их в сторонников дела равенства; нельзя представить себе, что наличие высокой доблести и искренности в этом деле не даст должного результата.

Но вообразим, что значительная часть богатых и знатных не захочет действовать иначе, как только ради собственных выгод и удобств. Нетрудно будет убедить их, что в этом отношении их собственные интересы допускают разве только умеренное и мягкое

противодействие. Бесспорно, что спокойствие или замешательство в жизни человечества в будущем сильно зависит от поведения этой группы. Я сказал бы им: «Тщетно бороться с истиной. Это равносильно попытке остановить рукою человека морской прилив. Отступитесь вовремя. Обеспечьте свою безопасность уступками. Если вы не хотите стать на сторону политической справедливости, то по крайней мере вступите в переговоры с неприятелем, которого вы не можете осилить. Многое, очень многое зависит от вас самих. Если вы будете мудры, если вы будете осторожны, если вы намерены по крайней мере обеспечить свою жизнь и личную безопасность среди общего крушения привилегий и безрассудства, то вы сами не захотите вызвать против себя раздражение и бравировать. Если только вы не будете опрометчивы, то не произойдет никакого беспорядка, не будет никаких убийств, не прольется ни одной капли крови, и вы сами будете счастливы. Если же вы бросите вызов буре и обрушите на свои головы негодование, то все же останется надежда, что удастся сохранить общее спокойствие. Но если случится иначе, то главным образом вы сами будете нести ответственность за все последствия, которые из этого вытекут.

Но прежде всего пусть вас не усыпляет опрометчивое и необдуманное сознание своей безопасности. Мы уже видели, как это сознание укрепилось в наше время под влиянием лицемерия и нестойкости людей разумных и просвещенных, тех, кто много понимает, об еще большем имеет путаное представление, однако не дерзает рассмотреть все в целом уверенным и спокойным взглядом. Но существует опасность еще более осязательная. Пусть нас не совратит с пути бездумный и будто бы всеобщий протест тех, кто лишен руководящих начал. Давно установлено, что всяческие заявления — весьма плохой критерий будущего поведения людей. Не рассчитывайте на длинную вереницу своих сторонников, приближенных и слуг. Они представляют очень слабую защиту. Они — люди и не могут быть равнодушны к интересам и притязаниям человечества. Некоторые из них будут примыкать к вам до тех пор, пока корыстный интерес будет их к тому побуждать. Но в тот момент, когда они увидят, что ваше дело проиграно, те же интересы побудят их перейти под знамя ваших врагов. Они рассеются, как утренний туман.

Нельзя ли мне надеяться, что вы способны понять другого рода выводы? Не испытаете ли вы угрызений совести при мысли, что вы противодействуете величайшему благу? Нравится ли вам, что самые просвещенные из ваших современников будут считать вас упорными врагами человеколюбия и справедливости и передадут об этом отдаленнейшему потомству? Можете ли вы примирить ваш разум с тем, что из-за корыстных интересов, Ради сохранения всеобщего разложения и злоупотреблений, вы содействуете удушению истины и разрушаете только что рожденное счастье человечества?» Дай бог, чтобы эти доводы дошли до сознания просвещенных и образованных сторонников знати! Дай бог им убедиться, что при решении такого важного вопроса нельзя слушаться своих страстей или предрассудков, нельзя следовать полету воображения! «Мы знаем, что истина не нуждается в вашем союзе для обеспечения своего торжества. Мы не боимся вашей вражды. Но наши сердца кровоточат, видя, сколько благородства, сколько дарований и сколько добродетели поработано предрассудками и завербовано на сторону заблуждений. Мы спорим с вами в ваших же интересах и во имя чести человечества».

Надо сказать несколько слов общей массе сторонников дела справедливости. «Если доводы, приводимые в нашем труде, обладают какой-нибудь достоверностью, то мы вправе, по меньшей мере, сделать из них тот вывод, что истина неотразима. Если человек вообще обладает разумной природой, то все, что явно убедило его в своей правильности, после приведения должных доказательств и до тех пор, пока эта убедительность воздействует на него, неизбежно должно заставить его принять соответствующее решение. Бесцельно говорить, что ум изменчив и непостоянен, потому что он таков только до тех пор, пока доказательства недостаточны. Как только сила доказательств возрастет, убежденность укрепитя и решение станет обязательным. Природа отдельного человеческого ума такова, что он постоянно расширяет запас идей и знаний. Такова же сущность и общего человеческого разума, за исключением тех случаев, которые, вытекая из более общей системы вещей, как бы нарушают установленный порядок в системах ограниченных. Это положение подтверждается, когда истина всеобъемлющего характера утверждается частичными опытами, что приводит к систематическим успехам человеческого разума на протяжении веков, начиная с момента изобретения печати.

Эта аксиома о всемогуществе истины должна быть для нас рулем в наших начинаниях. Не надо спешить с осуществлением сегодня того, что завтра с распространением истины станет неизбежным. Мы не должны с тревогой следить за поводами и случаями: воздействие истины не зависит от случайностей. Мы должны тщательно избегать насилия: сила — не убеждение, она не достойна Дела истины. Мы не должны допускать в свои сердца презрения, враждебности, злопамятности или мстительности. Дело справедливости — это дело человечества. Его сторонники должны быть преисполнены доброжелательности ко всем. Мы должны любить истину, так как она приведет к счастью всего человечества. Мы должны любить ее, потому что нет ни одного живого человека, который при естественном и спокойном ходе процесса не станет счастливее при приближении к истине. Самая важная причина, задержавшая ее осуществление, заключается в неправильном поведении ее сторонников, в суровости, грубости и непреклонности, вложенными в дело, так как оно представляет одно человеколюбие. Названных обстоятельств было достаточно, чтобы удержать большую массу заинтересованных от проявления терпеливого внимания к этому делу. Сторонники равенства, возрастающие сейчас в числе, должны позаботиться о том, чтобы устранить указанные препятствия на их пути. Перед нами две всем ясные обязанности, которые нельзя не понять, если правильно приняться за дело. Первая заключается в неусыпном внимании к великому орудью, предназначенному для осуществления справедливости, к разуму. Мы должны провозглашать свои взгляды с предельной искренностью. Мы должны стараться, чтобы они оказали влияние на умы других людей. При этих попытках нельзя допускать никакого упадка духа. Мы должны обострить свои интеллектуальные способности, расширить свои знания, проникнуться сознанием благородства своей задачи и постоянно поддерживать свой дух и самообладание, которые позволят нам осуществить наши принципы. Вторая наша обязанность заключается в спокойствии».

Было бы неправильно пройти мимо вопроса, обязательно возникающего у читателей: «Если должно произойти уравнение собственности не с помощью закона, административных распоряжений или публичных установлении, но лишь путем личной убежденности людей, то с чего должно это начаться?» При ответе на этот вопрос нет необходимости доказывать то

простое положение, что всякий республиканизм, всякое уничтожение рангов и привилегий неизменно ведет к уравниванию собственности. В Спарте{45}, например, последний принцип был полностью признан. В Афинах дары на общественные нужды были так велики, что граждане были почти свободны от физического труда; богатые и знатные, в сущности, покупали право на свои преимущества той щедростью, с которой они предоставляли свои богатства народу. В Риме часто проводились аграрные законы{46}, хотя и представлявшие жалкую и неудачную замену равенства, но возникавшие из того же стремления. Если рассудительность людей будет постоянно возрастать, а это, конечно, будет происходить с большой скоростью, если плохо устроенные правительства, замедляющие сейчас прогресс, будут устранены, то те же основания, которые убедили людей в несправедливости социальных рангов, убедят их в несправедливости такого положения, при котором один человек нуждается в том, чем владеет другой, нисколько не увеличивая при этом своего благополучия.

Обычно люди ошибочно воображают, что эту несправедливость могут чувствовать только низшие слои населения, страдающие от нее; отсюда мысль, что исправлена она может быть только насильственно. На это надо, во-первых, заметить, что от такого положения вещей страдают все,— богатые, которые богатеют, и бедные, которые нуждаются. Во-вторых, на протяжении нашей работы было ясно показано, что личные интересы вовсе не настолько управляют людьми, как это часто предполагается. Еще гораздо яснее, если это возможно, было показано, что эгоисты руководствуются не только стремлением к чувственным радостям или страстью к наживе, но что желание достичь выдающегося положения и отличий представляет в разных степенях всеобщую страсть. Наконец, третье и самое существенное возражение сводится к тому, что распространение истины представляет наиболее могущественное средство. Нет ничего абсурднее предположения, что теория в лучшем смысле слова не обязательно связана с практикой. Если мы ясно и отчетливо убедимся в правильности какого-нибудь положения, то оно неизбежно окажет влияние на наше поведение. Разум не представляет смеси различных идей, борющихся друг с другом за господство, но, напротив, дело обстоит так, что воля всегда возбуждается последним решением сознания. Когда люди ясно поймут нелепость роскоши и эта мысль у них укоренится, когда соседи разделят их пренебрежение к ней, немислимо себе представить, чтобы они стали стремиться к богатству с той же алчностью, как прежде.

В истории Европы от времен варварства до утонченной цивилизации нетрудно отметить тенденцию к уравниванию собственности. В эпоху феодализма, как теперь еще в Индии и в других странах, люди рождались в определенном положении, так что крестьянину было почти невозможно подняться до ранга дворянина. За пределами дворянства не было богатых людей, так как торговля как внутренняя, так и внешняя едва существовала. Торговля была тем орудием, которое помогло уничтожить барьер, казавшийся непреодолимым; она оскорбляла предрассудки дворянства, готового верить, что зависимые от него люди принадлежат к другой породе, чем оно само. Образование представляло другое и еще более мощное орудие. На протяжении всей истории церкви мы видим, как люди самого низкого происхождения подымались до ее вершин. Торговля помогла доказать, что богатства могут достигать не только люди, одетые в кольчугу, образование же помогало доказать, что люди низкого происхождения способны превзойти своих господ. Внимательный наблюдатель легко заметит возрастающее воздействие таких идей. Еще

долго после того, как наука начала распространять свою власть, ее служители сохраняли такие рабские навыки и делали такие низкопоклонные посвящения, о которых никто не может слышать сейчас без удивления. Только много позже люди поняли, что при умственном превосходстве человек не нуждается для достижения своих целей в покровителе. Сейчас среди культурных и образованных людей человек слабого здоровья, но большой умственной силы и крепкого доблестного духа всегда будет принят со вниманием и уважением; если бы его сосед, гордый своим тугим кошельком, вздумал обращаться с ним заносчиво, то можно быть уверенным, что он скоро потерял бы к этому охоту. Жители отдаленных деревень, где давно установившиеся предрассудки разрушаются медленно, очень бы удивились, увидав, как мало в просвещенных кругах богатство определяет степень уважения к человеку.

Все эти признаки, конечно, пока еще очень слабы. В этом отношении в области морали дело обстоит так же, как в политике. Прогресс совершается первоначально так медленно, что в большинстве случаев он вообще остается незаметным для человечества; его можно правильно оценить только при наблюдении и сравнении явлений на протяжении значительного отрезка времени. По истечении некоторого периода картина становится более ясной, а успехи кажутся более быстрыми и решительными. Пока богатство означало все, естественно, что люди стремились достичь его, хотя бы ценой своей репутации и честности. Абсолютная и всеобщая истина не проявила себя еще так решительно и не выразилась ничем, что может восхитить глаз или доставить удовольствие чувствам. По мере уничтожения привилегий, связанных с социальными рангами и монополиями, значение всех излишних благ неизбежно начнет уменьшаться. По мере укрепления республиканства, людей начнут ценить за то, что они собою представляют, а не за то, что было ими получено при помощи силы и что силой же может быть отнято.

Остановимся на минуту, чтобы обсудить последствия такого постепенного переворота в мыслях. Одним из самых ранних результатов будет уменьшение своекорыстия при торговле, вследствие чего накопление богатств будет происходить не так часто и не в таких огромных размерах. Люди не будут склонны, как теперь, извлекать выгоду из чужой беды и требовать такой выгоды за свою помощь, которая соответствует не ее ценности, а лишь потребности в ней данного лица. Они будут думать не о том, сколько они могут извлечь выгоды, но о том, сколько можно с благоразумием потребовать. Владелец торгового дела, пользующийся наемным трудом, будет склонен вознаграждать его более щедро, в то время как сейчас он исходит главным образом из того безразличного обстоятельства, что он предоставил капитал. Щедрость нанимателя завершит в сознании рабочего то дело, которое будет начато его представлениями о политической справедливости. Он перестанет растрачивать маленькие избытки, остающиеся от его заработков, на пустое мотовство, что является сейчас основной причиной, по которой он оказывается в полной зависимости от усмотрения хозяина. Он освободится от нерешительности, связанной с рабством, и от оков отчаяния; он поймет, что независимость и достаток едва ли менее достижимы для него, чем для всякого другого члена общества. Это составит естественный шаг вперед к дальнейшему прогрессу, когда рабочий будет получать полностью то, что взимается с потребителя, без того, чтобы посредник, этот праздный и бесполезный монополист, как тогда все поймут, богател на похищенном достоянии рабочего.

Те же чувства, которые обусловят отсутствие алчности при заключении торговых сделок, вызовут щедрость при распределении. Торговец, не желающий богатеть за счет своего клиента или рабочего, откажется также от богатства, достигаемого путем такой же несправедливости, и уделит бедному соседу необходимые ему продукты. Привычка довольствоваться малой прибылью, создаваемая в предшествующем случае, тесно связана с привычкой удовлетворяться малым накоплением богатства. Человек, не стремящийся увеличить свои накопления, не будет противодействовать такому распределению, которое благодаря своему человеколюбивому характеру будет препятствовать росту богатства. Некогда богатство было почти единственной целью людей с грубым и непросвещенным умом. В дальнейшем внимание людей будет распределяться между различными целями, как любовь к свободе, любовь к равенству, приверженность к искусству и жажда знаний. Стремление к этим целям не будет предоставлено, как сейчас, только немногим, но постепенно станет доступно всем. Любовь к свободе, очевидно, влечет за собой любовь к человеку: чувство доброжелательности расширится, а эгоистические стремления ослабнут. Всеобщее распространение истины вызовет общее совершенствование, и люди с каждым днем начнут приближаться к таким взглядам, которые помогут им ценить всякую вещь в соответствии с ее настоящей ценностью. К этому надо присовокупить, что интересующий нас прогресс будет всеобщим, а не индивидуальным. Этот прогресс будет прогрессом для всех. Каждый человек будет чувствовать, что его взгляды на справедливость и честность разделяются, поддерживаются и подкрепляются его соседями. Отступничество будет вряд ли возможно, потому что отступник не только вынужден будет осудить сам себя, но встретит также осуждение других.

В связи с этими рассуждениями надо сделать одно замечание. «Если неизбежный ход совершенствования незаметно сам ведет к уравниванию собственности, то зачем надо было предлагать его как специальную задачу, поставленную перед людьми?» Ответить на это возражение нетрудно. Обсуждаемое совершенствование сводится к знанию истины. Но наше знание останется несовершенным до тех пор, пока эта великая часть всеобщей истины не будет действительно признана таковой. Всякая истина полезна; может ли эта истина, вероятно более существенная, чем всякая другая, не принести пользы? Какова бы ни была цель, самопроизвольно преследуемая разумом, для нас очень важно иметь ясное о ней представление. Наше продвижение к ней благодаря этому ускорится. Хорошо известно то правило нравственности, согласно которому человек, желающий достичь совершенства, хотя никогда своей цели не достигнет, но сделает гораздо большие успехи, чем человек, довольствующийся стремлением к несовершенному.

Вполне очевидны преимущества, которые можно попутно получить, если оценивать равенство как одну из великих целей, стоящих перед нами. Такие взгляды очень помогут нам стать бескорыстными уже сейчас. Они научат нас относиться с пренебрежением к меркантильным расчетам, торговому преуспеянию и к заботам о прибылях. Они дадут нам правильное представление о возможностях человека и о том, в чем заключается его истинное совершенство; они направят наше честолюбие и активность на достойные цели. Разум не может сам достичь великих и славных целей, хотя бы по своей природе он и стремился к ним, если он не поймет их предвестников; поэтому можно думать, что чем раньше появятся эти предвестники, чем они будут яснее, тем благоприятнее будет ход событий.

Версия #1

Зверобой создал 1 апреля 2025 14:58:53

Зверобой обновил 1 апреля 2025 15:01:09